Отец архимандрит Корнилій

К ПЯТИЛѢТІЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ

Краткое жизнеописаніе

МЮНХЕН
1971

Архимандрит Кирилл

Отец архимандрит Корнилій

К ПЯТИЛѢТІЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ

Краткое жизнеописаніе

МЮНХЕН
1971

ТИПОГРАФІЯ ОБИТЕЛИ преп. ІОВА ПОЧАЕВСКАГО

Мюнхен—Оберменцинг

Отец архимандрит Корнилій,

в міру инженер Кирилл Николаевич Малюшицкій.

к пятилѣтію со дня кончины — краткое его жизнеописаніе.

10-23 сентября этого года исполняется 5 лѣт со дня кончины отца архимандрита Корнилія, и потому хочется представить его свѣтлый образ пред мысленным взором многих людей, любящих и почитающих его. А для этого рѣшили мы снова разсказать, хотя бы в кратких словах, о праведной, благородной и самоотверженной жизни отца Корнилія, столь непохожей на обычную жизнь, и потому особенно назидательной для всѣх нас в наше страшное время.

Многіе думают, что святые были только в древности, а теперь их уже нѣт. Так говорится уже не впервые. Но это конечно не так. Святость не рекламируется, не бросается в глаза, и потому современники часто ее не замѣчают. Еще преп. Феодор Студит, возражая тѣм, кто думал, что в его время, в VIII вѣкѣ, больше нѣт святых, писал: «И нынѣ много святых, которые, как драгоцѣнные камни, находятся на землѣ, отличаясь не твореніем знаменій и чудес, ибо не в этом только святость, но храненіем правой вѣры и точным исполненіем заповѣдей Божіих, искренней чуждой зависти любовью к братьям, сорадованіем благоденствію своего ближняго, стояніем выше славы человѣческой — и всякою другою добродѣтелью. Так проявляется святость во всяком человѣкѣ» (Добротолюбіе том IV, гл. 167, ст. 3).

В наше время, в нашей Русской Зарубежной Церкви мы видѣли и знали Учителя Церкви — митрополита Антонія, подвижника — архіепископа Виталія, а за год до кончины

отца Корнилія мы проводили в вѣчность еще двух праведников, которых, дерзаем сказать, можно поставить в ряд с праведниками древних вѣков. Таким был наш Первоіерарх, митрополит Анастасій — святитель с головы до ног, каждое слово, каждое движеніе котораго было словом и движеніем архипастыря Христовой Церкви. Таким был и архіепископ Іоанн Максимович, своими аскетическими подвигами поразившій современность и ими сравнявшійся с подвижниками древности. Таким же был и наш, скончавшійся пять лѣт тому назад отец архимандрит Корнилій, у котораго вся жизнь была жертвенным служеніем и который в послѣдніе мѣсяцы жизни потряс окружающих побѣдным торжеством над неописуемыми страданіями, своею способностью, подобно древним мученикам, побѣждать муки.

Архимандрит Корнилій, в мірѣ Кирилл Николаевич Малюшицкій, родился в 1899 г., на рубежѣ двух вѣков, в городѣ Кіевѣ.

С отцовской стороны он происходил из рода татарско-литовских князей — Улан Малюшицких и русско нѣмецкаго рода Барков, родственников извѣстнаго министра финансов Барка, а со стороны матери из литовско русской семьи Жук и из стариннаго рода Евреиновых. Отец К. Малюшицкаго был профессором Кіевскаго университета.

Первая Міровая война застала К. Малюшицкаго еще мальчиком, но когда пришла революція, и началась Гражданская война, юный К. Малюшицкій включился в Бѣлую борьбу: он вступил в ряды Сѣверной арміи генерала Миллера.

Послѣ пораженія Сѣверной арміи, К. Малюшицкій переѣхал, для продолженія борьбы с коммунистами, в Крым, а послѣ эвакуаціи Крыма — в Чехословакію, гдѣ и поступил в Горный Институт в Пшибрамѣ.

В то же время не оставлял он и жертвенной патріотической работы, записавшись у ген. Кутепова добровольцем к отправкѣ в Россію, на тайную работу там. При этом он совершенно ясно давал себѣ отчет в крайней опасности этой работы: никто из посланных ген. Кутеповым в Россію не вернулся оттуда. Тѣм не менѣе, когда настало время его командировки, К. Малюшицкій оставил ученіе и выѣхал в Париж, в Штаб-Квартиру Обще-Воинскаго Союза.

Отец Корнилій позднѣе многократно разсказывал пишущему эти строки, как наканунѣ дня своей отправки в Россію он, стоя пред иконой Божіей Матери на Сергіевском подворьи в Парижѣ и зная, что он уже обречен, что

жизнь его уже принесена в жертву борьбѣ с сатанинской властью, молился Пресвятой Богородицѣ, отдавая всего себя в Ея благодатныя руки, и прося Ее не жизнь ему сохранить, а дать ему возможность умереть не безцѣльно.

На другой день К. Малюшицкій направился к ген. Кутепову, чтобы получить нужныя инструкціи и отправиться без задержки в Россію. Но генерал, приняв его, сказал: «Мы не можем посылать ни вас, ни кого-нибудь другого в Россію, пока не добьемся того, что у них будет хоть какой-нибудь шанс вернуться. Ваша отправка отмѣняется».

«Спорить с Кутеповым было недопустимо», пояснял при этом отец Корнилій. Он вернулся в Чехію, к своим занятіям в Горном Институтѣ.

Но перед отъѣздом из Парижа он снова зашел на Сергіевское подворье и перед иконой Божіей Матери дал обѣщаніе не поддаваться бытовым соблазнам, но всю свою неожиданно возвращенную ему жизнь посвятить борьбѣ за душу русскаго народа.

В період, когда он готовился к отправкѣ в Россію и живо представлял себѣ свою работу там, он выработал в своем воображеніи примѣр, показывающій, какія требованія надо предъявлять к устной и письменной проповѣди, чтобы добиться наибольшей эффективности. Представьте себѣ, говорил он, что вы находитесь в каком-нибудь совѣтском городѣ перед толпой, в которой лично вы не знаете никого, но твердо знаете, что в ней есть люди, сочувствующие вашей идеѣ, враждебные ей и равнодушные к ней. И вы видите, как агенты Чека подходят, чтобы вас схватить. У вас всего 10 минут, чтобы сказать окружающим цѣнное и нужное. Что вы им скажете? Вот этой мѣрой отец Корнилій всегда старался провѣрять свои слова и писанія, к тому же призывая и других, сотрудничавших с ним в литературной и проповѣднической работѣ.

Вскорѣ послѣ поѣздки во Францію К. Малюшицкій закончил ученіе в Горном Институтѣ и стал инженером. Своей добросовѣстностью, методичностью и знаніем дѣла он скоро добился общаго признанія и, несмотря на ревнивое отношеніе чехов к иностранцам, был назначен начальником цеха на сталелитейном заводѣ в г. Кладно, выдвинувшись как спеціалист по доменным печам. Под его руководством находилось свыше 1000 человѣк, мастеров и рабочих. Получая здѣсь значительное жалованіе, он почти все его отдавал на патріотическую работу, оставляя себѣ лишь необходимое для жизни.

В Прагѣ он был вѣрным духовным чадом епископа Пражскаго, Преосвященнаго Сергія, и постоянным читателем и сотрудником газеты «Православная Русь»,*) издававшейся в монастырѣ препод. Іова в Ладоміровой, на Пряшевской Руси, под редакціей архимандрита (нынѣ архіепископа) Серафима и архимандрита (нынѣ епископа) Нафанаила.

Церковная настроенность стала все сильнѣе расти в душѣ К. Малюшицкаго. С дѣтства искренне вѣрующій, он тут, особенно с начала Второй Міровой войны, стал все яснѣе сознавать, что основное дѣло его жизни, которому стремился он посвятить всѣ свои силы — борьба за душу русскаго народа с поработившей его сатанинской силой, может успѣшно вестись только Церковью, в Ея рядах. Мысль о принятіи монашества стала расти в его душѣ.

С такими чувствами и настроеніями перед захватом Праги красными войсками К. Малюшицкій уѣхал в Австрію, в Зальцбург, гдѣ в лагерѣ Парш стал церковным старостой и духовным чадом благодатнаго старца, архіепископа Стефана.

Ему он исповѣдал свои настроенія, свои планы о принятіи монашества, которые владыка архіепископ Стефан горячо одобрил.

Планы эти все болѣе укрѣплялись в душѣ К. Малюшицкаго, но прежде чѣм ему удалось их осуществить, он подвергся типично современному искушенію: денежному — матеріальному.

О его выдающейся работѣ в качествѣ инженера, спеціалиста по доменным печам, стало извѣстно в американских кругах, стремившихся привлечь из Европы в Америку цѣнных научных и технических спеціалистов. К инженеру К. Н. Малюшицкому в Австрію прибыл довѣренный агент американских сталелитейных заводов.

Он предложил Малюшицкому переѣхать в Америку, гдѣ ему предоставится и хорошее жалованіе, и выдающееся положеніе, и широкая возможность научно-технической работы. К. Н. Малюшицкій попросил дать ему два три дня на размышленіе. Американскій представитель удивился этому. «Если вас не удовлетворяет размѣр жалованія, то его можно увеличить», сказал он. Но К. Малюшицкаго интересовал не размѣр жалованія. Послѣ разговора с американцем он тотчас же прошел к архіепископу Стефану и

*) Газета эта прекратила свое существованіе в 1944 г. Издающійся в настоящее время под тѣм же названіем журнал в Америкѣ носит совсѣм другой характер.

разсказал ему о полученном им предложеніи. «Оно очень заманчиво, но если принять его, то от монашества придется надолго отказаться. Что вы на это скажете, владыка?» — обратился он к архіепископу Стефану.

Преосвященный Стефан, ни минуты не раздумывая, сказал ему: «Откажитесь от этого предложенія и, чтобы безповоротно побѣдить искушеніе, поѣзжайте в монастырь преп. Іова Почаевскаго в Мюнхенѣ, к отцу архимандриту Іову».

К. Малюшицкій так и поступил. К удивленію американскаго представителя, он категорически отверг заманчивое предложеніе и, написав отцу архимандриту Іову в Мюнхен, получив его согласіе на пріѣзд в монастырь, оформив свои бумаги, он в 1949 г. прибыл в обитель, ставшую с того момента средоточіем всѣх его чувств, всѣх его мыслей и молитв.

Мюнхенская обитель преподобнаго Іова своими корнями восходит, хотя и не прямо, к Почаевской лаврѣ, основанной в 1240 г. иноками, бѣжавшими от нашествія Батыя.

От времен прп. Іова, настоятельствовавшаго в Почаевѣ в XVI и XVII вѣках, идет традиція типографской издательской дѣятельности при этом монастырѣ. На рубежѣ XIX и XX вѣков в Почаевской лаврѣ было создано автономное типографское братство из 150 человѣк братій, во главѣ котораго стал инок высокаго подвижническаго духа, отец архимандрит Виталій. В теченіе ряда лѣт он, кромѣ монашеских и типографских трудов, вел упорную напряженную борьбу за угнетенных волынских крестьян против польских панов и еврейских ростовщиков. О. Виталіем была создана сѣть кооперативных обществ, касс взаимопомощи и т. п. Этой стороной своей дѣятельности он до крайности возстановил против себя поляков, и когда послѣ 1-й Міровой Войны Почаевская лавра оказалась на территоріи Польши, отец Виталій был арестован, обвинен в соучастіи в террористических актах (которым он конечно не сочувствовал) и был приговорен к смертной казни. Заступничество патріархов Сербскаго и Румынскаго и особенно усердныя и настойчивыя ходатайства за него митрополита (будущаго патріарха) Варнавы спасли ему жизнь: смертная казнь была замѣнена изгнаніем из Польши.

Встрѣченный с уваженіем и любовію в Сербіи, гдѣ ему был предоставлен богатый монастырь, архимандрит Виталій, однако, не долго оставался в этом безмятежном

пристанищѣ. Его иноческая душа искала подвига. Когда в 1923 г. стало извѣстно, что в Словакіи, на Пряшевской Руси, село Ладомірово (Владимірово) перешло из уніатства в Православіе, но священника туда не находится, о. Виталій поѣхал в Ладомірово, в обстановку крайней нищеты и убожества. Здѣсь он стал создавать новый монастырскій очаг.

В Ладоміровой к о. Виталію примкнули самоотверженные иноки, не испугавшіеся нищенскаго существованія. Из них одним из первых был о. Серафим, нынѣ архіепископ Чикагскій. Они стали печатать для православных жителей Чехословакіи, а потом и для всей русской эмиграціи, церковные календари, церковную газету, духовныя книги. В 1934 г. назначенный на архіерейкую кафедру в Америкѣ Преосвященный Виталій передал настоятельство в этом монастырѣ архимандриту Серафиму, который и продолжил его труды. Во время 2-й Міровой Войны, несмотря на препятствія со стороны нѣмецких властей, книги, напечатанныя в Ладоміровой, распространялись по всему оккупированному пространству, доходя до Царскаго Села, до Сталинграда, до Кавказа.

Когда в 1944 г. Красная армія подошла к границам Словакіи, архимандрит Серафим сумѣл вывезти весь свой монастырь, сначала в Германію, а потом частично в Швейцарію. Тѣ же из монахов, кто не получил швейцарской визы, объединились вокруг отца архимандрита Іова, бывшаго в теченіе многих лѣт помощником о. Серафима. Они и основали новый иноческій центр в Мюнхенѣ.

Сюда и пріѣхал К. Малюшицкій.

В отцѣ архимандритѣ Іовѣ он встрѣтил человѣка духовно сроднаго себѣ по абсолютной душевной чистотѣ и честности, по полной самоотверженности и по совершенному отсутствію какой бы то ни было личной заинтересованности во всей жизни и дѣятельности. И он привязался к отцу Іову всей душой, став его вѣрнѣйшим другом, помощником и сотрудником.

Всѣ мы любили отца Іова, почитая его жертвенность и чистоту. Но всѣ мы позволяли себѣ подшучивать над его маленькими странностями, над его, бывшаго гусарскаго ротмистра, неистребимой привычкой примѣнять военныя техническія выраженія в монашеском быту, гдѣ они иногда звучали неожиданно. Например, монаху, возражавшему ему в церкви, отец Іов рѣзко сказал: «из строя не разговаривают!» Шутили мы и над совершенным отсутствіем всякаго музыкальнаго слуха у о. Іова.

Отец Корнилій никогда не разрѣшал себѣ никакой шутки, никакого сколько-нибудь непочтительнаго отзыва об отцѣ Іовѣ, котораго он неизмѣнно с почтеніем называл «отец настоятель».

Как раз в момент прихода отца Корнилія в монастырь значительная часть его братіи уѣзжала в монастыри Святой Земли, а также во Францію и в Англію. Поэтому новый послушник оказался особенно драгоцѣнен для обители. В теченіе ряда лѣт он самоотверженно нес самыя трудныя и самыя непривлекательныя работы: чистил помойныя ямы и уборныя, трудился в полѣ и на огородѣ, дежурил на кухнѣ — все совершая до щепетильности добросовѣстно.

В 1953 г. он был пострижен в монашество вмѣстѣ со своим другом и собратом, отцем Антоніем Стадницким (скончавшимся в 1957 г.). Постриг совершал архіепископ Іоанн (Максимович), а подводили к постригу новоначальных иноков епископ Нафанаил и архимандрит Іов. В постригѣ послушник Кирилл принял имя Корнилія, в честь преподобнаго Корнилія Комéльскаго.

Через год, в Фомино воскресенье 1954 г., архіепископ Іоанн посвятил отца Корнилія в сан іеромонаха.

Началась его пастырская дѣятельность. В это время в обители было до 25 человѣк братіи, и среди них нѣсколько нѣмцев. О. Корнилій, как прекрасно знавшій нѣмецкій язык, стал преимущественно их духовным руководителем и отцом.

Отмѣтим, что о. Корнилій вообще был искренним и горячим почитателем добрых качеств нѣмецкаго народа. С уваженіем отзывался он всегда о трудолюбіи, о цѣльности этого народа, о «несломленности его спиного хребта», несмотря на постигшія его испытанія. О. Корнилій всегда радовался тому, что обитель преподобнаго Іова обосновалась в Германіи.

Дѣятельное участіе принял о. Корнилій в трудах отца Іова по посѣщеніи больницы для душевнобольных в Хаарѣ и санаторія для туберкулезных в Гаутингѣ.

Усердно включился о. Корнилій в земледѣльческую работу монастыря и в издательскую его дѣятельность. Он выписал ряд нѣмецких изданій по агрикультурѣ, изучив которые, он иногда выращивал на монастырских огородах такіе сорта овощей, какіе не удавалось вырастить мѣстным огородникам. Его стараніями монастырь пріобрѣл трактор и установил трудовое сотрудничество с сосѣдней католической монашеской общиной в Блутенбургѣ и с частными

земледѣльцами в Оберменцингѣ. Монастырь обмѣнивался с ними машинами и разными полезными в огородничествѣ свѣдѣніями.

В издательской работѣ монастыря о. Корнилій взял на себя редактированіе Житій Святых, печатающихся в монастырской типографіи.

Еще в Прагѣ о. Корнилій стал почитателем трудов духовнаго мыслителя профессора И. А. Ильина, послѣ кончины котораго изданіе его трудов было поручено типографіи обители преп. Іова.

В совершенном единодушіи и духовной дружбѣ с о. Іовом трудился о. Корнилій, помогая ему во всей его дѣятельности, принимая живѣйшее участіе во всей жизни монастыря. Так продолжалось до осени 1959 г., когда отец Іов скончался.

С кончиною о. Іова о. Корнилій очень осиротѣл. Приток стремящихся поступить в монастырь, такой замѣтный в первые годы послѣ войны, к этому времени прекратился. Ближайшими помощниками отцу Корнилію остались лишь двое: по хозяйственной и агрикультурной части — брат Павел, по клиросу и типографіи – брат Алексій. Вся же пастырская и чисто монашеская работа легла всецѣло на отца Корнилія.

Тѣм не менѣе, работа монастыря не сокращалась: по прежнему уставно совершались богослуженія, с каждым годом все болѣе привлекавшіе вѣрующих из Мюнхена и его окрестностей.

Поддерживалась постоянная духовная переписка со всѣми странами русскаго эмигрантскаго разсѣянія. Почти всѣ русскіе послѣвоенные эмигранты и эмигранты из стран заново занятых коммунистами, прошли через Германію и почти всѣ побывали в Мюнхенѣ, а здѣсь посѣтили обитель преп. Іова, которая произвела на них благодатное впечатлѣніе. Теперь они поддерживали эту устновившуюся духовную связь перепиской.

Развилась печатная дѣятельность. Монастырь стал печатать «Вѣстник Православнаго Дѣла», который с 1963 года стал выходить в новом видѣ: для отправки его на Восток.

За полтора года до своей кончины отец Корнилій был обрадован цѣнным пріобрѣтеніем для печатнаго дѣла в монастырѣ: покупкой линотипа.

Но над чѣм бы ни трудился о. Корнилій, прежде всего его взор был прикован к страдающей порабощенной

Родинѣ, к ея страшной духовной трагедіи. Вѣдь этому он перед образом Божіей Матери посвятил свою жизнь. Он напряженно всматривался туда, жадно ловя все, что нам становилось извѣстным из жизни на Родинѣ.

Когда появились первые признаки какого-то пробужденія: Дудинцев, Пастернак и др., о. Корнилій горячо привѣтствовал это явленіе и повторял любимыя им слова духовнаго писателя П. С. Лопухина: «Условія жизни там очень тяжки. И тѣм не менѣе нѣкоторые русскіе поэты и писатели находят возможность и там высказывать живыя свободныя мысли. И это имѣет огромное значеніе: это подготовляет возможность в таком же порядкѣ — в порядкѣ творчества, вынашивать духовное и нравственное сознаніе, глубинное пониманіе смысла личной, общественной, государственной и всечеловѣческой жизни. Это дѣло важнѣйшее и значеніе его поистинѣ огромно. Оно болѣе значительно и еще болѣе необходимо, чѣм задача культурно-литературнаго творчества писателей и поэтов. Основы такого пониманія разбросаны всюду в текущей жизни. Но для своего осознанія они требуют вниманія и вдумчивости».

Эти очень ему полюбившіяся мысли П. С. Лопухина отец Корнилій напечатал в предисловіи к № 1 «Сборника Православное Дѣло», предназначеннаго к отправкѣ русским людям.

Когда нам стали извѣстны письма двух московских священников, отца Николая Эшлимана и отца Глѣба Якунина, отец Корнилій сейчас же позвонил по телефону пишущему эти строки и сказал: «у меня прямо пасхальное ощущеніе, радость: наконец-то, послѣ многих лѣт, снова среди духовенства в Россіи появились люди, борющіеся за правду, готовые пострадать за нее, безоговорочно не сдающіеся злой силѣ».

Уже на смертном одрѣ, уже костенѣющей нетвердой рукой отец Корнилій писал предисловіе к № 2-му «Сборника Правослвное Дѣло»:

«Сто лѣт тому назад французскій писатель, Виктор Гюго, в тревогѣ за французов, оторванных в Эльзасѣ и Лотарингіи, писал, что народ до тѣх пор держит в руках ключ от своих кандалов, пока сохраняет свой язык.

«Так было в его нестрашное время. Иначе сейчас. Сохраненіе языка недостаточно для того, чтобы спасти народ и сохранить его в вѣрности національной культурѣ. И современные поработители это хорошо знают. Разрѣшая порабощенным народам говорить на любом языкѣ, они посягают на бóльшее, чѣм язык.

«Отрыв от святыни, от вѣры народной — вот что дробит духовные кости и превращает людей в нѣчто мягкое и разбѣгающееся.

«Доколѣ, Господи?

«До тѣх пор пока народ всѣм существом не потянется к Святыням, не вспомнит вѣру народную, исконную православную, как высшую цѣнность, нѣкогда создавшую Россію и единственную могущую ее возродить.

«И тогда падут кандалы».

Эти мысли о. Корнилій выносил всею жизнью, начав с чисто политической борьбы за русскую душу и придя к твердому убѣжденію в необходимости иной — духовной борьбы.

И кромѣ того, из приведенных тут его предсмертных строк видно, что до послѣдних дней своей жизни отец Корнилій оставался вѣрным программѣ, начертанной им себѣ за много лѣт до того: говорить русскому народу в немногих словах самое важное.

Сохранял отец Корнилій также до послѣдних дней своей жизни и дружбу с нѣмецким народом. Все чаще приходили в монастырь группы нѣмцев, интересующихся Православіем, и отец Корнилій неизмѣнно с любовью встрѣчал этих посѣтителей, заботливо разсказывая им о Православной Церкви и о столь странной и чужой для современности православной монашеской жизни.

Свидѣтельством того, что о. Корнилій пользовался взаимной любовью и уваженіем в нѣмецких кругах, являются многочисленные цѣнные предметы, пожертвованные нѣмцами нашему монастырю во время настоятельствованія о. Корнилія.

Их много: икон, крестов, покровов, находящихся в обѣих, малой и большой, церквах нашего монастыря. Разскажем подробнѣе об одном таком дарѣ, который особенно цѣнил о. Корнилій.

Один нѣмецкій генерал подарил монастырю массивное серебряное евангеліе, которое в год своей смерти князь Г. Потемкин пожертвовал основанной им в Новороссіи деревнѣ Войсковой. Во время Второй Міровой Войны это евангеліе было подарено духовенством и міряанами города Днѣпропетровска нѣмецкому генералу, бывшему тогда комендантом города, в благодарность за доброе отношеніе к населенію.

Отец Корнилій часто говорил, что это евангеліе является свидѣтелем, не опровергающим, но ограничивающим

два исторических обвиненія: Потемкина в постройкѣ фальшивых деревень и нѣмцев в звѣрствах над русскими. Да, были фальшивыя «потемкинскія деревни», но были и настоящія; и настоящей деревнѣ Потемкин по-царски подарил это воистину великолѣпное евангеліе. Да, были нѣмецкія звѣрства в Россіи, книга А. Кузнецова тому яркое доказательство, но были и высоко гуманные люди среди нѣмецких военачальников. И бывшій комендант Днѣпропетровска это доказал еще и тѣм, что не оставил у себя подаренное ему историческое евангеліе, но деликатно передарил его русскому монастырю.

В 1964 г. о. Корнилій радостно переживал избраніе Первоіерархом нашей Русской Зарубежной Церкви Владыки Филарета. «Это чудо, настоящее чудо милости Божіей, спасающее от тягостнѣйших неурядиц нашу многострадальную Зарубежную Русскую Церковь», говорил он и жадно разспрашивал пишущаго эти строки о личности новаго Первосвятителя.

В 1965 г. монастырь торжественно встрѣчал сего Первосвятителя Зарубежной Русской Церкви, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Филарета, который на время своего пребыванія в Мюнхенѣ остановился в монастырѣ. Так исполнил Господь горячее желаніе отца Корнилія: лично встрѣтиться с новым Первостоятелем Зарубежной Русской Церкви.

Но к этому времени страшная неизлѣчимая болѣзнь уже подтачивала силы отца Корнилія. К январю 1966 г. эта болѣзнь заставила его сократить размах своей работы и совершать богослуженія с видимым трудом и напряженіем. Великим Постом в помощь отцу Корнилію был прислан іеромонах Герасим.

В маѣ отец Корнилій переѣхал в Штутгарт, гдѣ в тамошней больницѣ был к нему примѣнен новый метод лѣченія, увы, не принесшій ожидавшихся от него благих результатов.

В августѣ отец Корнилій вернулся в Мюнхен, но не в любимую свою обитель, а в расположенную невдалекѣ от монастыря лѣчебницу.

Большим утѣшеніем в это время был для него пріѣзд на нѣсколько мѣсяцев его давняго друга и соратника еще по Сѣверной Арміи, А. П. Эндена, который очень подбодрил отца Корнилія дружеским участіем и, кромѣ того, помог ему привести полностью в порядок всю отчетность по монастырю.

К этому времени страданія отца Корнилія достигли уже очень большой степени. Обычно раковые больные в таких случаях жаждут болеуспокаивающих средств, просят о них, и врачам приходится уговаривать страдальцев потерпѣть, не сокращать промежутков между вспрыскиваніями, чтобы не ускорять процесса умиранія. Отец Корнилій не сдавался этому.

Когда его муки очень возросли, он не сам попросил, а согласился на предложенное врачами примѣненіе анестизирующих средств, посовѣтовавшись предварительно со своим духовником. Шприцы отцу Корнилію стали давать в 8 часов вечера, перед сном, и утром в 4 часа, при пробужденіи. Днем он обрекал себя на муки, чтобы сохранить ясность мысли для обсужденія дѣл монастыря, для диктовки писем и для чтенія священных книг. Конец дня, когда страданія особенно усиливались, он отдавал молитвѣ. Только за 10 дней до смерти, опять-таки посовѣтовавшись со своим духовником, завѣренный им в том, что грѣха в такой сдачѣ страданіям никакого нѣт, отец Корнилій дал согласіе на 4 шприца в сутки. Так до самого конца, вопреки слабости человѣческой природы, он торжествовал над своим тѣлесным составом, и не физическія страданія повелѣвали ему, а он самодержавно царил над своей природой, предписывая ей то, что находил нужным и возможным, провѣряя все это своею совѣстью и духовными указаніями.

«Я молю Господа и Матерь Божію дать мнѣ умѣніе встрѣтить Ангела смерти не как врага, а как брата и друга, не торопить его с приходом и не испугаться его, когда он придет», так нѣсколько раз говорил отец Корнилій своим друзьям.

Позднѣе, как бы свидѣтельствуя, что он получил уже просимую им одухотворенную небоязненность смерти, отец Корнилій, видя одного из послушников, дежурившаго у его одра, испуганным и скорбным, сказал ему: «Что ты боишься, ангел смерти тут, но не бойся его: вѣдь он брат и друг».

Многократно ласково ободрял он братію своей обители, скорбѣвшую при видѣ его страданій.

«Я лучше понимаю теперь, что̀ значит цѣловать Распятіе», говорил он: «мы цѣлуем раны Христовы, цѣлуем Его страданія и просим Его принять наши муки, как наше со-страданіе Ему».

Своими страданіями и своею до конца борьбой с ними отец Корнилій утончил и заострил свои душевныя

способности, и Господь дал ему перед смертью в нѣкоторой мѣрѣ дар прозорливости.

Бывшему послушнику этого монастыря, сербу, брату Георгію, пріѣхавшему из Парижа, чтобы спросить отца Корнилія, своего духовника, о важном для него дѣлѣ, в присутствіи пишущаго эти строки, отец Корнилій подробно отвѣтил на всѣ его вопросы раньше, чѣм тот успѣл их задать.

Назначенный заранѣе на опредѣленный час чин облеченія в подрясник брата Павла отец Корнилій перенес на нѣсколько часов ранѣе, предугадав, вопреки завѣреніям врачей, что к тому времени, когда было назначено совершеніе этого чина, он уже будет лишен способности двигать ногами.

Епископу Нафанаилу, уѣзжавшему за недѣлю до кончины отца Корнилія в Берлин, он предсказал, что тот не застанет его в живых. Хотя врачи категорически утверждали, что конец еще не так близок, случилось именно по слову отца Корнилія: епископ Нафанаил прибыл из Берлина через нѣсколько часов послѣ кончины отца Корнилія. За два часа до смерти его исповѣдал и причастил іеромонах Герасим.

Дух отца Корнилія в предсмертном томленіи на глазах окружающих быстро и ярко созрѣвал для Царства Божія. И потому его агонія, могшая стать тягостной, оказалась исполненной глубокой назидательности, торжественности и побѣдоносности.

Умирая, он повторял в полузабытьи: «русское житіе, русское житіе... братья и сестры, спѣшите, готовьте для Россіи, пе-ча-тай-те!» До самаго послѣдняго момента жизни его душа заботилась прежде всего о любимом дѣлѣ: о печатаніи житій святых и об отправкѣ церковной литературы на Родину, о завѣтной борьбѣ за душу русскаго народа, о том дѣлѣ, которому так свято, так беззавѣтно и самоотверженно отдал он всю свою жизнь.

Послѣ его кончины согласно его желанію, настоятельство в обители было поручено епископу Нафанаилу, котораго с отцем Корниліем связывали давнія духовная дружба и сотрудничество.

На погребеніе отца Корнилія прибыл из далекой Америки вѣрный друг обители и ея фактическій сооснователь, Преосвященный Серафим, архіепископ Чикагскій. Совершали отпѣваніе о. Корнилія три архіерея: архіепископ Александр, архіепископ Серафим и епископ Нафанаил с

многочисленным сонмом духовенства и со множеством народа, любившаго и почитавшаго о. Корнилія.

Свое вѣчное пристанище обрѣл отец Корнилій на кладбищѣ в Оберменцингѣ, вблизи монастыря, рядом с могилой столь горячо им любимаго и чтимаго наставника и друга, отца архимандрита Іова.

Глубоко правильно было сказано в Нью-Іоркской газетѣ «Россія», в некрологѣ, посвященном отцу Корнилію: «Пока русская земля рождает таких сыновей, как ушедшій от нас отец Корнилій, за судьбу нашего народа страшиться нечего. Такіе подвижники, как он, выведут русскій народ на свѣтлый путь, ведущій к Богу и Правдѣ».

А мы, стоявшіе у его могилы, дали пред Богом внутреннее обѣщаніе хранить и продолжать его дѣло: беречь св. обитель и служить дѣлу борьбы за душу русскаго народа.

За нѣсколько дней до кончины отец Корнилій написал своим духовным чадам нижеслѣдующее письмо, являющееся его предсмертным завѣтом.

Дорогіе о Господѣ братья и сестры!

В теченіе долгаго времени вы своею любовью и жертвенностью помогали нашей св. обители в ея отвѣтственном дѣлѣ храненія монастырскаго свѣточа здѣсь, на рубежѣ свободнаго и порабощеннаго міров. Благодаря вашей поддержкѣ мы могли издавать духовныя книги и брошюры, тѣм укрѣпляя церковное и національное сознаніе русских людей.

Нынѣ тяжелая болѣзнь мѣшает мнѣ продолжать это дѣло, и наша Церковная Власть ввѣряет руководство нашей обителью Преосв. епископу Нафанаилу, с которым мы в теченіе всѣх послѣдних лѣт дружно и единодушно сотрудничали в церковно миссіонерской работѣ.

В эти минуты разставанія хочу я выразить вам и от себя, и от нашей обители глубокую благодарность за все то, что вы сдѣлали для нашего общаго дѣла. Хочу надѣяться, что вы всѣ не только продолжите вашу помощь, но и привлечете новых друзей обители пр. Іова. Мы уходим, но жизнь и работа обители должна продолжаться, а это возможно только с помощью вас, друзей обители, за которых мы непрестанно молимся и будем молиться и впредь.

Усердно прошу и ваших молитв обо мнѣ грѣшном.

Архимандрит Корнилій.

Общій вид обители преп. Іова.

Братія обители: монах Павел, архимандрит Іов, монах Антоній, іеромонах (впослѣдствіи архимандрит) Корнилій.